

СЕКУЛЯРИЗАЦИЯ СМЕРТИ В ПРОШЛОМ И СОВРЕМЕННОСТИ

НИКОЛАЙ БОРИСОВ

Пензенский государственный университет (Пенза, Россия)

Аспирант

Контакт: borisovnik7@yandex.ru

АННОТАЦИЯ. В статье изучается вопрос о том, как религиозные ритуалы способны секуляризоваться, превращаясь из мистерии в обыденность. Эволюция погребальных обрядов, траурных церемоний идёт по пути от сакрализации смерти до секуляризации, сведения её до уровня феномена повседневности, исключая возможность «откровения» или «экзистенциального прорыва». Страх смерти возрастает пропорционально дистанции между индивидом и его желанием дать то или иное представление о смерти, в то время как в большинстве случаев современный человек отказывается думать о смерти совсем, что парадоксально, поскольку медиа пересыщены темой смерти. Автор делает вывод о необходимости преодоления табу смерти, а в качестве первого шага называет повышение внимания к смерти как объекту исследования в контексте социально-философского знания и социальной танатологии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: смерть, секуляризация, сакральность, завещание, похороны, умерший.

THE SECULARIZATION OF DEATH IN THE PAST AND THE PRESENT

NIKOLAY BORISOV

Penza State University (Penza, Russia)

Postgraduate student

Contact: borisovnik7@yandex.ru

ABSTRACT. A question of secularization of religious rituals from a mystery to commonness is examined in the article. Funeral rites' and processions' evolution goes from sacralization of a death to its secularization, which turns a death into everyday phenomenon and excludes the possibility of «revelation» or «existential breakthrough». A fear of death grows in proportion to a distance between an individual and his desire to give some idea of a death, while in most cases modern human completely refuses to think about the death – paradoxically, because of mass media is oversaturated the theme of death. Author concludes, that the taboo of death must be overcome; first of all through the increasing of attention to the death as research object in social-philosophical context and social thanatology.

KEY WORDS: death, secularization, sacredness, wills, funerals, deceased.

Смерть – это феномен общественного бытия, занимающий особое место в жизненном мире людей. Существование любых социальных институтов так или иначе опосредовано смертью, – будь то армия, рассматривающая человека как силовой ресурс, способный на деструктивное действие и защиту от него с внешней стороны, или семья, ставящая в качестве цели преодоление смерти через продолжение рода, даруя бессмертие путём передачи наследственного материала. Та или иная форма распределения власти также оказывается связанной со смертью. В тоталитарных государствах контроль осуществляется не только за жизнью людей, но и за их смертью. Она выступает инструментом для репрессий. В этом плане современным демократическим государствам гораздо сложнее призвать людей жертвовать своими жизнями, свободно и без принуждения идти на войну. Постоянно присутствуя в медийном пространстве, смерть является объектом манипуляций, лишаясь своих первоначальных «сакральных качеств» или существенно искажая их.

Проблема исследования заключается в обнаружении способов образования «сакральных качеств» смерти, имеющих в повседневном мире форму молчания или молитвы, а также параллельно существующего процесса секуляризации смерти – приобретение ею, с одной стороны, свойств естественного события, которое исключает его трагичность, а с другой стороны, – соблюдение многочисленных социальных требований, в рамках которых похоронные ритуалы и траурные церемонии представляют собой формы гражданского действия, лишённого сакральности – связи с высшим духовным уровнем бытия. *Объект* изучения – способы «общения со смертью»: завещательная практика, порядок захоронения и эпитафии. В качестве *методов* выбраны: феноменологическая редукция, интенциональный и герменевтический анализ.

Важной предпосылкой к исследованию является положение о том, что религиозные представления на протяжении истории человечества занимали лидирующие позиции в объяснении того, почему существует смерть, как уживаться с ней и достойно провожать умерших, не обесценивая при этом саму жизнь. Именно этой конкретной цели и служит религиозная система, помогая скорбящему человеку заново встроиться в систему социальных норм и ценностей. Но для этого сам человек должен разделять эти нормы и ценности, в то время как смерть, являя собой абсолютное отрицание, никак не способствует их установлению. Вопрос состоит в том, способен ли атеизм и «секулярная практика» в целом выполнять социализирующую функцию так, как её выполняет религия, или это только способ обесценивания любого «общения со смертью»?

Гипотеза исследования: стремление к бессмертию – это функция социальной системы, которая чем более развита, тем выше степень секуляризации смерти. Следовательно, «секулярная практика» способна

выполнять социализирующую функцию для участников события смерти, исключая при этом возможность «откровения» или «экзистенциального прорыва» – приобретения смысла жизни и перспективы его изменения, корректировки.

Сравнительный анализ завещаний верующих и атеистов

Процесс секуляризации смерти включает в себя как атеистические воззрения, так и социальные нормы – гражданскую практику в отношении к смерти, распространенную в рамках того или иного региона, государства. Атеистическая система представлений о смерти предполагает в целом свободное отношение к способу погребения, хотя и не всегда говорит о полном безразличии к нему.

Одно из показательных завещаний принадлежит перу вольнодумца – Маркизу де Саду. Его биография, как и произведения в целом свидетельствуют об устойчивой атеистической позиции, которая прослеживается и на исходе жизни – в завещании. В нём он детально описывает процедуры, сопутствующие смерти его тела. Вплоть до того, сколько часов тело должно храниться в комнате, когда необходимо заколачивать гроб гвоздями, в каком месте и при каких обстоятельствах соблюдается прощание. Он пожелал, чтобы его похоронили на участке в лесу, без особых примет, а земля смогла зарости кустарниками и следы могилы совершенно исчезли со временем. К церемонии прощания допускались только самые близкие, без плакальщиц и других людей, которые присутствуют на таких церемониях согласно традиции¹.

Такое отношение к погребению означает рассмотрение смерти как естественного события жизни, в котором нет места какой-либо сакрализации. Забвение, к которому так стремится де Сад – это достижение состояния, которое было до его существования, что исключает необходимость покаяния или искупления, а также искренность последних, если бы они имелись.

Другое завещание написал ярославский дворянин – Иван Михайлович Опочинин, совершивший самоубийство в 1793 г. В нем он пишет, что смерть ведет к полному уничтожению. Чувствуя отвращение к русской жизни и «интеллектуальной лени» его соотечественников, он сожалеет о том, что любимые книги, формировавшие прежде смысл его жизни, некому оставить. Просит в церкви его не поминать. О способе погребения в завещании не сообщается, что можно расценить как безразличие к нему².

¹ Lély G. Vie du Marquis de Sade. – Paris: Pauvert, 1965.

² Трефолев Л.Н. Предсмертное завещание русского атеиста // Исторический вестник, № 1, январь, 1883. С. 224–226.

В данном случае более ярко выражен меланхолический аспект завещания и одновременно протест против несовершенства общественного уклада, где не имеется значимого прогресса в интеллектуальной жизни. Самоубийство предстает как акт свободы и жертвенности.

Сравнивая завещания атеистов и верующих, мы должны отметить, что последних гораздо больше интересуют как способ погребения, так и ритуалы, связанные с памятью об умершем. Их завещания наполнены просьбами о молении за душу. Приведем пример одного завещания, который написал француз Жан Раго. Он в стихотворной форме пишет о том, чтобы на месте его могилы воздвигли «каменную громаду», вокруг расположили миракли, а люди, проходившие мимо, могли поминать его душу. Мощи должны быть переданы августинцам, книги университетам в библиотеку, «чтоб запомнили наверняка». Череп отдан притвору в Святой часовне³.

Хотя завещание по своей форме иронично, оно имеет ряд интересных для нас моментов. Во-первых, больший акцент на памяти, страх не перед смертью как таковой, а перед забвением, которое несет с собой смерть. Во-вторых, движение скелетированных останков после смерти – обычное явление в средневековой жизни, свидетельствующее о том, что они сохраняют память, косвенно продолжая существование умершего.

Анализируя завещания с феноменологических и герменевтических позиций, мы можем отметить не только особый тип переживания, связанный со смертью, но и выявить онтологически значимые связи, которые имеют социальный контекст осуществления. Первую такую связь мы обозначили как *инобытие* – это форма локализации сознания после смерти тела, свойственное верующим людям, что и образует «сакральные качества» смерти: «священное молчание», молитвенная практика, траурные, погребальные и поминальные церемонии, приобщающие к высшему духовному миру, который становится в момент утраты наиболее близким. Сакральность, которая открывается благодаря смерти, определяет духовный мир как интимно существующий для конкретного человека, находящегося под священным воздействием смерти, но открытого для соучастия других людей, способных к нему приобщаться, образуя специфическую общность людей, устремленных в вечность.

По утверждению Н.А. Бердяева, смерть возвышает человека над обыденностью, она же есть «предельное зло», срывающее занавес неподлинного мира, в котором мы живём, открывая тем самым дорогу к бессмертию. Это обуславливает особое священнодействие вокруг смерти, многочисленные ритуалы и обряды приобщения к вечности. Страх и ужас перед смертью становятся одним из «сакральных качеств», способных правильно организовывать существующую жизнь. В то же время речь может идти лишь о

³ Книга завещаний: Французские поэтические прощания и завещания XIII–XV веков. – М.: Водолей, 2012. С. 92–93

естественной форме страха, но не патологической, выражающей привязанность к миру. Приобщение к сакральности смерти доступно не только на пределе жизненных сил, но и в ситуации, «когда погибают человеческие чувства». Переживание утраты близкого человека доступно не только при его физической гибели, но также «социального и духовного ухода» из нашей жизни. Более того, расставание с городом, домом или садом есть также переживание смерти, как полагает Н.А. Бердяев⁴.

На наш взгляд, все же нельзя утверждать, что переживания, связанные с «уходом» или «расставанием», приобщают нас к сакральности. Величина чувства утраты совершенно неравнозначна, поэтому и священнодействие образуется только при максимальной концентрации утраты. Смерть в духовном плане представляет собой «откровение», которое тем сильнее, если утрата затрагивает то, что для нас важно в наибольшей степени. Это не может быть дом или сад, которые вполне взаимозаменяемы в отличие от людей, которые живут и умирают лишь единожды.

Сакральность смерти – это связь с вечным, бессмертным и неразрушимым в человеке, а также – что наиболее важно для православного учения и русской религиозной философии – воскресением. Последнее имеет большое значение, поскольку подразумевает не только победу духа над тленным телом, но и победу тела над смертью. С этой целью и создаются кладбища. Следовательно, когда эта цель перестает быть актуальной, то кладбища теряют своё значение, как мы это видим в современной России, где они перестают быть местом памяти, или в США, где всё большее распространение получает кремация.

Дж. Митфорд впервые указала на непомерные доходы похоронных служб Америки от «украшений трупа», которые становятся зачастую единственным выражением почтения к умершему⁵. Современная ситуация все же меняется не в пользу дорогостоящего бальзамирования и захоронения, поскольку кладбища привязаны к территории, в то время как рост социальной мобильности жителей городов создает необходимость территориальной независимости. Похоронные агентства тем временем начинают изыскивать новые способы для своего обогащения, например, арендуя территории для развеивания праха и предоставляя возможность выбрать дорогостоящие урны. К тому же город физически неспособен постоянно расширять территорию кладбища, что даёт кремации существенное преимущество.

Вторая онтологически значимая связь подразумевает *ничто* как активное преобразование элементов существования в состояние досуществования – *до-бытие*. Выстраивая свои представления на основе

⁴ Бердяев Н.А. Смерть и бессмертие // Бердяев. Н.А. О назначении человека. – М.: «Республика», 1993. С. 217–219

⁵ Mitford J. The American Way of Death. – New York: Simon & Schuster, 1963.

возвращения в до-бытие, подавляется страх забвения, но возрастает тревога перед умиранием – предсмертной агонией и болью, сопровождающей процесс умирания.

Здесь секуляризованная смерть имеет намного большее влияние на мысли и чувства людей. *Секуляризованная смерть* – это скрытая смерть, которая доставляет многочисленные проблемы родственникам и друзьям умершего, создает необходимость хоронить мертвых незаметно; это полная победа рода над смертью, где сакральное заменяет социальное, а страх умирания занимает доминирующее положение. Пример такого отношения мы видим в описании Л.Н. Толстого смерти Ивана Ильича, проследив реакцию его окружения на событие смерти, которая полностью соответствует духу обыденности, растворенности в повседневности – неспособности и нежеланию видеть «сакральные качества» смерти⁶.

На первый взгляд, отношение к смерти – это только психологическая характеристика, которая зависит от личности того, кто сталкивается со смертью, но помимо этого уровня анализа имеется социально-философский, претендующий на извлечение факторов социального порядка, определяющих видение смерти, восприятие уничтожения не только органической жизни, но целых пластов социального существования. Так, В.В. Розанов рассматривает социально-политические вопросы, связанные с существенными переменами во взглядах на смерть, эсхатологических предпочтениях и др. Стихия надвигающейся революции вызывает у него недоумение от того, как люди так быстро перешли на путь атеизма. Причину тому он видит в нигилизме – отсутствии веры и при этом – послушное следование ритуалам⁷.

Эволюция эпитафии: от анонимности к иронии

Религиозные ритуалы способны секуляризоваться, превращаясь из мистерии в обыденность. Эволюция погребальных обрядов, траурной процессии идёт по пути от сакрализации смерти до секуляризации, сведения её до уровня феномена повседневности. О.Г. Постнов выражает позицию, согласно которой похоронные ритуалы в истории меняются постоянно, но в ней всё же сохраняются некоторые устойчивые элементы. Поэтому переход от предания трупов огню к их захоронению, как было на Руси, явление редкое. Примеров изменения господствующих взглядов в отношении феномена смерти в России, согласно его исследованию, было не более пяти. Эпитафия как особый жанр появляется в России лишь с XVII в., не имея при этом массового

⁶ Толстой Л.Н. Смерть Ивана Ильича: Повести и рассказы. – Л.: Худож. лит., 1983.

⁷ Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени. – Сергиев Посад: Тип. И. Иванова, 1917–1918. С. 11

распространения, но данный этап означает поворот в сторону десакрализации всей культуры⁸. Русская надгробная плита физически не располагала возможностью записи эпитафии, имея толщину не более 10 см. и делалась из мягкого известняка, что исключает нанесение какой-либо надписи, сохраняя в большинстве случаев анонимность погребения⁹.

Ф. Прокопович указывает на различия в русской эпитафии, содержание которой зависит от социального статуса умершего. В первой части эпитафии описываются деяния умершего и его положение в обществе. Если человек имел высокий социальный статус, то во второй части добавлялось изречение, указывающее на краткость человеческой жизни, её суетность и бренность. Если же умерший имел низкий социальный статус, то в качестве заключения использовались шутки¹⁰.

Шутливое отношение к смерти означает, что проигрыш перед смертью уже не воспринимается так трагично, отчасти снимая необходимость следования традиционным траурным ритуалам. Если рассматривать Россию допетровской эпохи, то шуточных эпитафий не было совсем, а в петровскую эпоху на надгробной плите стали описывать деяния умершего, главным образом военные и духовные подвиги в зависимости от сословия. И лишь в эпоху романтизма появляются нетривиальные эпитафии, что очевидно происходит под влиянием Европы. Один из вариантов такой эпитафии создал Г.Р. Державин для могилы А.В. Суворова: «Здесь лежит Суворов». Её лаконичность – свидетельство искреннего уважения, что не исключает некоторую шутливость, исключая простое возвеличивание на основании всеобщей осведомленности о подвигах Суворова¹¹.

Шуточное восприятие смерти достигает своего апогея в XX и XXI в., где смерть практически полностью секуляризуется, при этом тема смерти максимально табуируется. Табу смерти означает «замалчивание смерти», отсутствие прямого указания на смерть и замещение его языковыми структурами, отражающих шуточное или ироничное значение, преследующих цель устранения психологического и социального дискомфорта, вызванного смертью как упоминанием (насилованным по своему содержанию) о собственной смертности, возможной гибели близких людей.

Сама смерть в повседневном существовании людей наполнена всяческими эвфемизмами, которые замещают и делают её более приятной для

⁸ Постнов О.Г. Смерть в России X-XX вв.: историко-этнографический и социокультурный аспекты. – Новосибирск: Изд-во СО РАН. Филиал «Гео», 2001.

⁹ Беляев Л.А. Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. – М.: Модус-Граффити, 1996. С. 17

¹⁰ Прокопович Ф. Сочинения. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. С. 452–453

¹¹ Постнов О.Г. Русская военная эпитафия XVIII – начала XIX вв. // Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 250-летию Достопамятного зала. Часть 3. – СПб., 2006. С. 38-42

восприятия. Тем самым смерть психологически и социально облагораживается. В.И. Жельвис предпринял попытку дать психологическую и культурологическую интерпретацию эвфемизмов, идиом, словосочетаний, которые отражают установки немцев XX и XXI вв. в отношении к смерти. Одним из заместителей смерти является образ, как продукт индивидуальных и социальных представлений о смерти. Особое место в ряду таких образов занимает человекоподобное существо мужского пола в виде скелета с косой. В немецкой культуре имеет название: «Schnitter», «Sensenmann» (Пер. с нем.: «жнец, косарь». – прим. Н.Б.). Антропоморфное существо способно двигаться, говорить и его поведение соответствует поведению живого человека. «Der Tod schloss ihm die Augen» (Пер. с нем.: «Смерть закрыла ему глаза». – прим. Н.Б.). Причем автором отмечается распространенная в современности языковая игра. Не только смерть прямо не называется, но также Бог. «Er ist bei Elvis» (Пер. с нем.: «Он у Элвиса»). «Elvis hat ihn zu sich gerufen» (Пер. с нем.: «Элвис призвал его к себе». – прим. Н.Б.)¹².

Что касается последних эвфемизмов, то такое пародийное отношение не является свидетельством распространения в немецкоговорящей культуре атеистических представлений. Эвфемизмы не столько выражают неуважение к религии (вере), сколько пытаются максимально дистанцироваться от серьезного сакрального дискурса смерти. Страх смерти возрастает пропорционально дистанции между индивидом и его желанием дать то или иное представление о смерти, в то время как в большинстве случаев он не хочет думать о смерти совсем. Чем дальше смерть, тем менее она реалистична и тем более абстрактна. Эту дистанцию продуцирует общественная система, закрепляя «нужные психологические и социальные установки». Под нужными мы понимаем те, что отдаляют смерть, накладывая на неё определенное табу. О смерти, таким образом, или не говорят совсем, или отшучиваются.

Гипотеза исследования подтверждается и находит своё полное выражение в табу смерти, которое сопровождало всю историю человечества, но наиболее сильно проявляет себя только в современности. Первый шаг к преодолению табу мы видим в повышение внимания к смерти как объекта исследования в контексте социально-философского знания, а также поощрение развития социальной танатологии: поддержка конференций, семинаров и других площадок, где возможно обсуждение танатологической проблематики. Также необходимы перемены и со стороны государства и общества, которые должны уважать не только право человека на жизнь, но и право на смерть (к примеру, снятие запрета на эвтаназию), что означает существенные сдвиги в моральном сознании настоящего и будущего поколений.

¹² Жельвис В.И. Смерть в немецких эвфемизмах // Ярославский педагогический вестник, 2012, № 4. С. 169–170

REFERENCES

- Belyaev L.A. *Russkoye srednevekovoye nadgrobie. Belokamennye plity Moskvy i Severo-Vostochnoy Rusi XIII–XVII vv.* [The Russian Medieval Tombstones. White Tombstones of Moscow and North-East Rus]. Moscow, 1996. (In Russian)
- Berdyayev N.A. *Smert' i bessmertie* [Death and Immortality]. *O naznachenii cheloveka* [On Purpose of a Man]. Moscow, 1996, pp. 217–228 (In Russian)
- Kniga zaveshchaniy: Frantsuzskie poeticheskie proshchaniya i zaveshchaniya XIII–XV vv.* [The Book of Testaments: The French Poetical Farewells and Testaments of the 13th -15th centuries].– Moscow, 2012 (In Russian)
- Lely G. *Vie du Marquis de Sade*. Paris: Pauvert, 1965.
- Mitford J. *The American Way of Death*. New York: Simon & Schuster, 1963.
- Postnov O.G. *Smert' v Rossii X–XX vv.: istorko-etnograficheskiy i sotsiokul'turny aspekty* [Death in Russia: Historical-Ethnographical and Social-Cultural Aspects]. Novosibirsk, 2001. (In Russian)
- Postnov O.G. The Russian Military Epitaph of the 18th – Early the 19th Centuries [Russkaya voennaya epitafia XVIII – nachala XIX vv.]. *Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy Konferencii, posvyashchonnoy 250-letiyu Dostopamyatnogo zala. Chast' 3.* [Materials of Russian Scientific and Practical Conference Devoted to 250th Anniversary of Memorial Hall]. St. Petersburg, 2006, pp. 38–42. (In Russian)
- Prokopovich F. *Sochineniya* [Works]. Moscow, 1961 (In Russian)
- Rozanov V.V. *Apokalipsis nashego vremeni* [Apocalypse of Our Time]. Sergiev Posad, 1917–1918. (In Russian)
- Tolstoy L.N. *Smert' Ivana Ilyicha: povesti i rasskazy* [Death of Ivan Ilyich: tales]. Leningrad, 1983. (In Russian)
- Trefolev L.N. Dying Will of the Russian Atheist [Predsmertnoye zaveshchanie russkogo ateista]. *Istoricheskiy vestnik*, no. 1, pp. 224–226, Moscow, 1883. (In Russian)
- Zhelvis V.I. Death in the German Euphemisms [Smert' v nemetskih evfemizmakh]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik*, no. 4, pp. 168–174. Yaroslavl, 2012 (In Russian)